

СЛОВО И ЦВЕТ

А. А. БЛОК И РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ

Однажды Блок сказал, что любит живопись не меньше поэзии, и, как ни удвительно это признание, есть основания ему верить.

Уже в ранние годы Блок стремился к ясности и наглядности своих поэтических идей. Из всех искусств он особенно ценил живопись — именно за то, что образы ее зримы и определенны. Как раз об этом он написал свою первую лирическую статью «Краски и слова».

Зыбкие образы собственных ранних стихов — быть может, именно из-за их зыбкости — он привык сопоставлять с тем, что делали в своих картинах его любимые живописцы. И порой говорил о том, что создал бы, будь он художником. «Если бы я писал картину...» — эта мысль нет-нет да и мелькает в его статьях и письмах.

Подход к картинам у Блока совершенно особенный. Вглядываясь в картину, он вглядывается в лицо ее творца. Блок сравнивает не стихи с картинами, но свой мир с миром любимых живописцев.

В ранние годы на первом месте для него стоял М. В. Нестеров. Недаром по поводу одного из своих программных стихотворений 1905 года, в котором он как бы подводил итог периоду «Стихов о Прекрасной Даме», Блок вспомнил Нестерова. Поэт писал, что стихи эти навеяны «теми чертами русского пейзажа, которые нашли себе лучшее выражение у Нестерова». То же самое Блок мог сказать о многих ранних своих стихотворениях. В архиве поэта хранится тетрадь с переписанными набело произведениями 1904—1905 годов. Перед стихами, на обороте обложки, Блок вклеил вырезанную из какого-то дешевого издания репродукцию рисунка Нестерова «Рыбак». Разумеется, рисунок этот поэт поместил в начале своей рукописи не как украшение, но как свидетельство внутренней близости мира своих ранних стихов образам Нестерова.

Еще более значительный период в жизни поэта связан с именем Врубеля, у которого он слышал готовность к «радостной» и «губительной» борьбе со злом. Еще весной 1904 года Блок пишет стихотворение «Дали слепы, дни безгневны...», о котором позже скажет: «Написано под впечатлением живописи Врубеля». И не раз Блок будет объяснять, что его стихи и картины Врубеля возникли на некой общей почве. Так, например, по поводу своей «Незнакомки» поэт говорил: «Незнакомка это вовсе не просто дама в черном платье со страусовыми перьями на шляпе. Это — дьявольский сплав из многих миров, преимущественно синего и лилового. Если бы я обладал средствами Врубеля, я бы создал Демона, но всякий делает то, что ему назначено...». Речь здесь идет о той духовной действительности, которая в блоковской «Незнакомке» выражена словесно, а у Врубеля представлена наглядно — в цветовых сплавах его излюбленных сумеречных тонов. Много раз Блок говорил о том, что пейзаж врубелевского «Демона поверженного» он воспринимает как отображение духовного ландшафта эпохи. Сходным образом оценивал Блок и другую врубелевскую картину — «Царевна-Лебедь». Действие блоковской драмы «Песня судьбы» происходит как бы в мире картины. Символический образ чудо-птицы, плывущей «грудно на закат», проходит сквозь всю эту пьесу. Блок писал о том, что собственное его духовное развитие, весь его внутренний обиход связаны не только со словом, но и с цветом, с определенными явлениями живописи. И при этом замечал: «...Лучшее изображение всех этих цветов — у Врубеля». После смерти художника Блок сказал: «С Врубелем я связан жизненно...».

Не столь тесные, но все же достаточно длительные и многообразные отношения

существовали между Блоком и многими художниками, его современниками. В их творчестве возникали сходные устремления и созвучные мотивы.

Когда смотришь на петербургские рисунки Добужинского, вспоминается Петербург Блока. На рисунках — «серо-каменное» тело города, в стихах — фантастика его серого, слепого дня. В январе 1906 года журнал «Золотое руно» напечатал большой рисунок Добужинского «Дьявол»: под сводами огромной тюремной камеры движутся по кругу крошечные фигурки узников — и движутся они между лапами огромного паука-тиремщика, увенчанного нимбом. Месяцем ранее тот же журнал поместил лирическую статью Блока «Безвременье», где речь шла о зловещих чертах эпохи и где на первой же странице возник образ ликаго и отвратительного животного — необъятной серой паутины. «...Голоса человеческие как будто запутались в паутине».

В графическом оформлении Добужинского впервые увидели свет блоковские драмы «Балаганчик» и «Песня Судьбы».

А когда в 1913 году Московский Художественный театр заказал Добужинскому эскизы декораций и костюмов для постановки драмы Блока «Роза и Крест», поэт и художник стали видаться постоянно. Среди бумаг Добужинского, хранящихся в Литовской республиканской библиотеке, нам удалось обнаружить написанный его рукой конспект доклада о драме «Роза и Крест». Этот доклад Добужинский читал перед актерами Художественного театра, объясняя им свой взгляд на будущий спектакль. Здесь же хранятся экземпляр авторских пояснений к драме, переданный художнику Блоком, тетрадь с записями, раскрывающими историю работы над постановкой, до сих пор не опубликованная цветная иллюстрация к задуманному Добужинским изданию «Розы и Креста», а также последнее письмо Блока к художнику, помеченное 22 мая 1921 года.

В архиве Добужинского в фондах Русского музея в Ленинграде, среди карандашных зарисовок нам посчастливилось отыскать профиль Блока. Сходство несомненно, хотя черты поэта несколько шаржированы. Тут нет насмешки над Блоком, но есть то разделение жизни на «поэзию» и «прозу», при котором художник, почитатель и даже нежно относившийся к «поэту», позволял себе утрировать характерные черты внешности «человека». Зарисовка эта может быть предположительно отнесена к началу 1910 года, ко времени совместной работы Блока и Добужинского над «Розой и Крестом».

На сценических подмостках впервые близко сошелся Блок с А. Н. Бенуа. В 1908 году в театре В. Ф. Комиссаржевской они вместе участвовали в постановке пьесы австрийского романтика Франца Грильпарцера «Праматерь». Блок перевел трагедию, Бенуа ее оформлял.

Среди многочисленных рисунков А. Н. Бенуа, что хранятся в фондах Русского музея, есть серия портретных набросков, сделанных на листах плотной желтоватой бумаги альбомного формата. Некоторые изображения снабжены подписями. На одном

из листов — Блок. Видно, что художник трижды начинал рисовать Блока и дважды стирал нарисованное. Портрет никак не выходил. Он и в третий раз получился не очень точным, и тем не менее этот набросок представляет несомненную ценность. Заслуживают упоминания и те обстоятельства, при которых он был сделан. Блок, нарисованный Бенуа, читает стихи. Обнаружить, где и когда это было, помог сам Бенуа. Под одним из набросков той серии, к которой принадлежит и портрет Блока, он сделал помету: «1-ый стильный вечер». Этот вечер состоялся в Петербурге осенью 1907 года. Сохранилась его программа. Выступали Андрей Белый, В. Э. Мейерхольд, А. М. Ремизов, М. А. Кузмин, Ф. К. Сологуб. Блок прочел стихотворение «Н. Н. Волоховой». Артистка театра В. Ф. Комиссаржевской Волохова прочла стихи Блока «В углу дивана» (из посвященного ей цикла «Снежная маска»). Сверяясь с программой, можно узнать имена тех, чьи портреты Бенуа в своем альбоме не снабдил подписями. На том же листе, на котором изображен Блок, нарисована молодая женщина. Это Наталия Николаевна Волохова — блоковская Снежная Дева и Фаина. Скромный набросок неожиданно оказывается художественным документом, уникальным во многих отношениях. Во-первых, рукой знаменитого мастера здесь запечатлены великий поэт и талантливая актриса. Во-вторых, мы видим нарисованных с натуры Блока и героиню его стихов. В-третьих, это единственное прижизненное изображение Блока на эстраде. Наконец, перед нами живой след художественной жизни Петербурга начала XX века.

В дневниках и записных книжках Блока есть множество заметок о встречах с мастерами «Мира искусства». Так, с Л. Бастом Блок познакомился на одном из литературных вечеров. Художник нарисовал обложку и фронтиспис к сборнику «Снежная маска», а затем акварельную иллюстрацию к блоковской «Незнакомке». На обороте акварели сыном художника сделана помета: «Рисунок, вдохновленный «Незнакомкой» Блока, или, может быть, даже иллюстрация к ней и, по семейной традиции, очень им, Блоком, одобренный».

О прошлом и будущем русской культуры беседовал Блок не раз с Н. Рерихом. Художник вспоминал: «Почему-то всегда случалось, что общения наши были какими-то особенными. Посещения оказывались наедине. Легко, казалось бы, могло случиться, что кто-то мог прийти и внести общность в беседу, но этого не случилось. Первый раз Блок пришел с просьбой сделать ему для его книги фронтиспис «Италия». Предвидение, выраженное в образах, свойственных лишь Блоку, своеобразно сказывалось во всех его речах». Свой рисунок к «Итальянским стихам» Рерих подарил Блоку, и он всегда висел под стеклом в кабинете поэта.

Многолетнее знакомство связывало Блока и с К. Сомовым. Жена поэта, Любовь Дмитриевна, рассказывала, что зимой 1901 года она и юный Блок встречались в доме общих знакомых, где бывал Сомов. Уже известный художник, он тогда учился пению и пел итальянские

арии. Несколько лет спустя Сомов нарисовал обложку к изданию блоковских лирических драм, которая автору очень понравилась. Весной 1907 года Сомов по заказу журнала «Золотое руно» исполнил лучшее из прижизненных изображений поэта. Блок ценил в Сомове не только высокое мастерство художника, но и тонкое чутье критика. Когда после премьеры «Балаганчика» Блок в письме к Брюсову хотел сослаться на мнение авторитетного ценителя, он привел именно суждение Сомова: «Художники (и даже Сомов, очень недовольный театром Комиссаржевской вообще) очень хвалят».

Постановка «Балаганчика» прославила и Блока, и режиссера спектакля В. Мейерхольда, и художника спектакля Н. Сапунова. Молодой театальный живописец с этих пор влюбился в драматургию Блока. Вместе с Мейерхольдом он мечтал поставить блоковскую «Незнакомку», а к постановке лирической драмы «Король на площади» даже приготовил эскиз декорации, который был опубликован вместе с текстом пьесы. Влияние именно блоковских настроений сказалось на всем дальнейшем творчестве Сапунова. Современники улавливали это влияние и в другой известнейшей — наряду с «Балаганчиком» — работе художника: пантомиме «Шарф Коломбины». И недаром ставивший этот спектакль Мейерхольд посвятил его Блоку. После внезапной гибели Сапунова в июне 1912 года, на посмертной выставке художника публика увидела серию картин, о которой при жизни мастера не знали даже его близкие друзья. Это были «жанровые» сцены. Их нервная, напряженная живопись обнаруживала в привычных бытовых предметах вопиющую странность и нелепость окружающей жизни. И в этих работах Сапунова современникам слышалось нечто родственное блоковским стихам.

По справедливому замечанию художника Ю. Анненкова, известного иллюстратора поэмы «Двенадцать», юность многих талантливых людей его поколения прошла «под знаком Блока».

Наглядным примером той роли, что играл поэт в русской художественной жизни 1910-х годов, могут служить его отношения с одним из тогдашних начинающих графиков, впоследствии замечательным мастером Н. Купреяновым. Он переписал стилизованным шрифтом драму Блока «Роза и Крест» и снабдил рукопись первыми рисунками. Свою работу он принес показать поэту. Потом послал ему две иллюстрации к «Снежной маске». «...Мне хочется, чтобы Вы, если рисунки, действительно, будут неинтересны Вам сами по себе, — пишет Купреянов, — посмотрели на них только как на свидетельство того, как любят люди Ваши стихи». Молодой художник несколько раз побывал у Блока. В письмах к поэту он давал самые наивные и самые болезненные для него вопросы о смысле искусства. Перечисляя вошедших в его жизнь людей, Блок в июне 1916 года записал: «Запомнились: Н. Н. Купреянов (будет художник)...». И в своем прогнозе поэт не ошибся.

Одна из лучших «блоковских» работ Купреянова — эскиз обложки к поэме «Двенадцать», исполненный в 1921 году.

При жизни Блока появились издания его поэмы с иллюстрациями Ю. Анненкова, М. Ларионова, Н. Гончаровой.

«Если бы я писал картину...», — мечтал Блок. Он и писал ее, а вместе с ним лучшие художники его времени.

А. ГОРДИН,
М. ГОРДИН.

М. Добужинский. «Эскиз костюма Бертра из драмы А. Блока «Роза и Крест».

А. Бенуа. «А. А. Блок читает стихотворение «Н. Н. Волоховой». Н. Волохова читает стихи А. Блока на литературном вечере 30 ноября 1907 года».

Публикуются впервые.

